

С. К. Иванов

**О ВОЗМОЖНОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ
РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА**

Предлагаемый подход к изучению русского национального характера — результат широкого и систематического собирания материалов по этой теме. Цель данного сообщения — рассказать о методике сбора, его результатах и некоторых соображениях автора о возможном использовании собранных данных.

Лет 30 назад, работая с трудами В. И. Ленина, я обратил внимание на его высказывания о некоторых чертах и свойствах русского национального характера. Подобные суждения в принципе хорошо известны и используются во многих работах, в том числе этнографических. Ленинские суждения возбудили желание познакомиться также с другими высказываниями по этому вопросу. Так было положено начало собирательству суждений о чертах и свойствах русского национального характера, продолжающемуся (с перерывами) до настоящего времени. Первый пробный поиск в произведениях В. И. Ленина, а затем К. Маркса, Ф. Энгельса и А. И. Герцена прошел вполне успешно. В его ходе было выявлено более 500 интересных суждений о русском национальном характере и намечены основные методические приемы сбора.

По какому же критерию отбирались материалы? Отсутствие общепризнанного определения понятия «национальный характер» серьезно затрудняло работу, но не являлось непреодолимой преградой. Для сбора весьма конструктивной была мысль, высказанная В. Г. Белинским: «Тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его, так сказать, манере понимать вещи»¹. Вот это понятие «манера понимать вещи», или, другими словами, отношение русского народа к различным фактам, явлениям и процессам действительности, и было положено в основу поиска материалов. Мнение о том, что отношение народа к окружающей действительности есть форма проявления национального характера, разделяется и современными исследователями². В качестве ограничений при отборе суждений выступали два условия: суждение должно принадлежать историческому лицу, а не литературному персонажу; из самого суждения должно быть ясно, что в нем дается оценка характера не отдельного русского человека, а устойчивой социальной группы, прослойки, класса или русского народа в целом.

«Суждение о русском национальном характере» не понималось нами буквально, как итоговый вывод о тех или иных чертах и свойствах этноса. Выводы, сформулированные кратко, а иногда и афористично, позволяя многое понять в русском национальном характере, совершенно не проясняют, каким образом их автор пришел к своим заключениям. Это обусловило необходимость поиска и выборки размышлений того или иного автора суждений о происхождении черт и свойств русского национального характера, детерминированности их политическими, социальными, экономическими и другими условиями жизни, возможности

¹ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая. Собр. соч. в трех т. Т. 3. М., 1948. С. 507.

² См., например: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 148.

сохранения или исчезновения в будущем. При этом, конечно, существенно увеличивался объем собираемого материала, но соответственно возрастала и его значимость. Перечень поисковых признаков позволял достаточно четко выделять необходимую информацию из контекста, а ксерокопирование обеспечивало полную аутентичность текста.

Первый опыт поиска и сбора суждений о русском национальном характере позволил перейти ко второй стадии работы — расширенному поиску и сбору, который должен был обеспечить получение представительного объема информации о русском национальном характере. Предстояло, во-первых, существенно расширить круг авторов искомых суждений и, во-вторых, так построить методику сбора, чтобы суждения каждого автора были собраны максимально полно. Свою точку зрения на русский национальный характер может иметь любой человек, но собрать такое количество суждений практически невозможно. Поэтому мы при сборе материала ввели два ограничения: автор суждения должен быть активен в своей сфере деятельности (политической, государственной, культурной, военной и пр.) и заинтересован в знании русского национального характера. Первое ограничение относится к области компетентности и квалификации авторов суждений, а второе позволяет надеяться, что высказываемые суждения не будут носить случайный характер, не будут следствием настроения, а явятся отражением, производной от убеждений, политической и классовой позиции авторов. Классовая принадлежность, социальное положение, политические, религиозные и другие взгляды авторов суждений, их тяготение к тем или иным направлениям в литературе и искусстве не рассматривались в качестве ограничений. Скорее, наоборот, различия в этом плане — и подчас коренные, принципиальные — между авторами суждений должны, на наш взгляд, лишь способствовать более точному пониманию черт и свойств русского национального характера, освещая их с разных точек зрения.

Для обеспечения полноты сбора суждений каждого автора поиск велся по всем его произведениям, имеющимся в центральных библиотеках, и прежде всего во Всесоюзной государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Никаких ограничений по жанру произведений не вводилось. Суждения о русском национальном характере выбирались из книг (художественных, научных, политических и др.), статей, писем, дневников и пр. в ходе чтения текстов. Предметные указатели в сочинениях (где они имеются) и предметные каталоги библиотеки использовались только для контроля. Поскольку даже при самом внимательном прочтении текста не исключается возможность отдельных пропусков, был проведен контрольный повторный поиск суждений в произведениях В. И. Ленина (по Поли. собр. соч.) и А. И. Герцена (по 30-томному собр. соч.). В результате было найдено несколько суждений, пропущенных при первом поиске, что составляло 1,5—2,0% к общему числу выбранных суждений этих авторов. По содержанию дополнительно найденные суждения представляли повтор ранее найденных высказываний.

К началу 1988 г. в результате просмотра сотен тысяч страниц различных текстов найдено около 2500 суждений о чертах и свойствах русского национального характера, принадлежащих более чем 100 авторам. Общий объем собранного материала превышает 150 а. л.

Более половины высказываний (и по количеству, и по объему) принадлежит русским писателям-классикам и революционерам-демократам. Это неудивительно. Изучение человека, его возможностей, стремление пробудить скрытые в народе силы заставляли их анализировать русский национальный характер, выражая свое мнение в художественных произведениях, публицистических и критических статьях, письмах и дневниках. В исторических сочинениях Н. М. Карамзина, произведениях А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя имеются интереснейшие суждения о русском национальном характере. Но это пока были лишь единичные наблюдения. Глубокое и, как мы сейчас сказали бы, «широкомасштабное» изучение русского национального характера на-

чинается с В. Г. Белинского и А. И. Герцена. По мере развития исторических событий в него включаются все новые и новые силы. В спорах славянофилов и западников, в размышлениях прогрессивных деятелей об историческом прошлом и будущем России, в критических статьях о развитии русской литературы дискутируется наряду с другими и вопрос о чертах и свойствах русского национального характера, формировавшегося в условиях длительной борьбы с иноземными поработителями, самодержавного правления, крепостного права, умышленного спаивания народа, отстранения его от образования и пр.

Необходимо отметить, что в собрание включены суждения об отношении русских к фактам, явлениям и процессам действительности и за тот период, когда еще не сложилась русская нация как таковая и, следовательно, еще нельзя было говорить о национальном характере. Свое решение о включении материалов последнего вида я объясняю тем, что национальный характер — явление чрезвычайно устойчивое. Он не вдруг возникает и не вдруг исчезает. До тех пор, пока с научной достоверностью не будет установлено время возникновения, существования или исчезновения тех или иных его черт и свойств, а также характер их эволюции, пока не станут ясны их корни и истоки, я почел за лучшее не пренебрегать и «древним» материалом. В соответствии с этим в собрание включены суждения летописцев, авторов древнерусских повестей, высказывания римских, византийских, греческих и арабских историков и хронистов.

Немалая доля суждений, относящихся к XVI—XIX вв., высказана приезжавшими в Россию иностранными путешественниками, дипломатами и купцами. Каждый из них наблюдал быт, нравы и характер непонятного, а подчас и чуждого ему народа. По возвращении домой многие издавали дневники, мемуары, записки, в которых рассказывали о своих впечатлениях от посещения России. Эта литература становилась для зарубежного читателя почти единственным источником знакомства с Россией и русскими. Нельзя одним словом охарактеризовать эти сочинения. Были среди них и заведомо недобросовестные, и поверхностные, но были и такие, в которых встречалось много точных и тонких замечаний, иногда основанных на фактах, а иногда озаренных догадкой внимательного наблюдателя. Хотелось бы отметить одно принципиальное отличие в освещении черт и свойств русского народа зарубежными и отечественными деятелями. Если для некоторых иностранцев подмеченный факт был концом, итогом познания, то для передовых деятелей русской культуры такой факт (особенно негативный) был не завершением, а началом, исходной точкой размышлений. Они исследовали его природу, корни и пытались нащупать пути к совершенствованию нравов.

Рассмотрение содержания собранных суждений не входит в мою задачу, но в самом первом приближении можно сказать, что значительное место среди них занимают размышления о русском национальном характере в целом как о важнейшем социальном явлении, способствовавшем устойчивости нации в периоды тягчайших испытаний; о роли русских в европейской и мировой истории, «европеизме» и «азиатчине» в русском характере; степени революционности русских в разные периоды; о русских как воинах, отношении русских к иностранцам и иностранному вообще. Большое количество суждений относится к русскому быту, характеристике нравов (отношения в семье, положение женщин, культура поведения и пр.). Внимание деятелей прошлого привлекала и проблема отношения русских к органам власти и ее представителям. Интересно, что во многих суждениях затрагиваются и вопросы отношения властей к русскому народу как одного из факторов, формирующих русский национальный характер. Подробно разбираются характеристики деловитости русского народа: его отношение к труду и образованию, самобытность и переимчивость ума, практичность и пр. При этом в подавляющем большинстве суждений даются не общие, если так можно выразиться, лобовые характеристики («трудолюбив», «свободолюбив»), а полутона, оттенки общечеловеческих черт характера, присущие имен-

но русским людям и возникшие в условиях специфической русской действительности. Собранные суждения не имеют ничего общего со стереотипами, шаблонными характеристиками духовного облика народов, которые лишь препятствуют действительному пониманию национального характера.

Как бы ни были весомы и оригинальны отдельные высказывания, при их рассмотрении необходимо иметь в виду, что любая небольшая выборка никогда не может исчерпать содержание всей собранной коллекции и независимо от желания автора будет односторонней. Тем более при рассмотрении такой тонкой и сложной материи, как национальный характер, нельзя делать далеко идущие выводы только на основании специально выбранных примеров. Горький был совершенно прав, говоря, что «русские люди — люди мучительно тяжелой истории, и судить их надобно, не забывая пережитого ими в веках»³.

При рассмотрении собранных суждений обращает на себя внимание исключительная самокритичность деятелей русской культуры в оценке черт и свойств своего народа, самокритичность подлинных патриотов, заинтересованных в познании истины. Они страстно желали успеха Родине, бережно отмечали лучшие свойства народа и были совершенно бескомпромиссны в борьбе с недостатками. Суждения каждого автора высказываются в присущей ему форме, с использованием свойственной для него системы доказательств и могут быть правильно поняты, конечно, только в контексте своего времени.

Приведем некоторые примеры.

«Исторические обстоятельства развили в нас добродетели чисто пассивные, как, например, долготерпение, переносливость к лишениям (обидам) и всяким невзгодам. В сентиментальном отношении эти качества могут быть очень хороши, и нет сомнения, что они очень удобны для людей, пользующихся ими к своей выгоде; но для развития экономической деятельности пассивные добродетели никуда не годятся. Как вы хотите, чтобы оказывал энергию в производстве человек, который приучен не оказывать энергии в защите своей личности от притеснений? Привычка не может быть ограничиваема какими-нибудь частными сферами: она охватывает все стороны жизни. Нельзя выдресировать человека так, чтобы он умел, например, быть энергичным на ниве и безответным в приказной избе тем, чтобы почесывать себе затылок и переминаться с ноги на ногу. Он будет таким же вахлаком и за сохой. Впрочем, об этом предмете можно было бы наговорить слишком много, если бы в самом деле нуждалась в доказательствах мысль, что энергия в русском человеке подавлена обстоятельствами, сделавшими из него какого-то аскета. Возвратимся лучше к той, более отрадной стороне его жизни, которая показывает, что по природе своей он вовсе не предназначен быть апатичным. Когда пробуждается в нем усердие к делу, он обнаруживает чрезвычайно замечательную неутомимость и живость в работе. Но для этого бывает нужно ему увидеть себя самостоятельным, почувствовать себя освобожденным от стеснений и опеки, которыми он вообще бывает подавлен»⁴.

«Дух русского солдата не основан так, как храбрость южных народов, на скоро воспламеняемом и остывающем энтузиазме: его так же трудно разжечь, как и заставить упасть духом. Для него не нужны эффекты, речи, воинственные крики, песни и барабаны: для него нужны, напротив, спокойствие, порядок и отсутствие всего натянутого. В русском, настоящем русском солдате никогда не заметите хвастовства, ухарства, желания отуманиться, разгорячиться во время опасности: напротив, скромность, простота и способность видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты его характера»⁵.

«... при всех искажениях крестьянского развития мы видим в народных массах наших много того, что мы называли „деликатностью“. Мы знаем, что это слово многим покажется очень странным в применении к крестьянству, но мы не умеем найти луч-

³ Горький А. М. Письмо М. С. Саяпину. Между 6 и 28 октября (19 октября и 10 ноября) 1912. Собр. соч. в 30-ти т. Т. 29. М., 1954. С. 282.

⁴ Чернышевский Н. Г. Суеверие и правила логики. 1859. Полн. собр. соч. в 15 т. Т. 5. М., 1950. С. 694—695.

⁵ Толстой Л. Н. Рубка леса. 1852—1854. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 3. М., 1932. С. 70—71.

шего выражения. Смирение, покорность, терпение, самопожертвование и прочие свойства, восплаемые в нашем народе профессором Шевыревым, Тertiем Филипповым и другими славянофилами того же закала, составляют жалкое и безобразное искажение этого прекрасного свойства деликатности. Но, произведенное насильственно, это искажение и поддерживается постоянно искусственными комбинациями разного рода. А как скоро жизнь получит свой естественный ход, тогда и внутренние свойства человека скоро примут свое прямое направление. Зверства человек не станет показывать, если его к тому не вынудят,— это уж всякому понятно: нынче уж перестали верить даже и в то, что змея стремится непременно ужалить человека без всякой причины, просто по ненависти к человеческому роду; тем менее верят в существование подобных мифически-змеиных натур между людьми. Точно так же нельзя верить и существованию овец, которые бы за честь считали попасть на зубы к льву, или людей, от природы имеющих склонность к тому, чтоб их таскали за нос и плевали им в физиономию. Если мы видим, что множество людей позволяют подвергать себя подобным экспериментам, то поверьте, что это делается не иначе, как по необходимости. С этой стороны, значит, бояться нечего: искаженная, убитая и обращенная во вред простолюдину „деликатность“ его примет свое естественное направление при первой возможности.

Но и в теперешнем, искаженном, состоянии крестьянского быта и мысли мы видим следы живого, хорошего направления этой деликатности. Сюда причисляем мы прежде всего сознание, о котором мы говорили выше и которое в простом классе несравненно развитее, нежели в сословиях, обеспеченных постоянным доходом,— сознание, что надо жить своим трудом и не дармоедствовать...»⁶.

«Мы до сих пор смотрим на европейцев и Европу в том роде, как провинциалы смотрят на столичных жителей,— с подобострастием и чувством собственной вины, принимая каждую разницу за недостаток, краснея своих особенностей, скрывая их, подчиняясь и подражая... Дело в том, что мы были застрашены и не оправившись от насмешек Петра I, от оскорблений Бирона, от высокомерия служебных немцев и воспитателей-французов. Западные люди толкуют о нашем двоедушии и лукавом коварстве; они принимают за желание обмануть — желание высказаться и похвастаться. У нас тот же человек готов наивно либеральничать с либералом, прикинуться легитимистом, и это без всяких задних мыслей, просто из учтивости и из кокетства; бугор de l'arrogativité⁷ сильно развит в нашем черепе»⁸.

«Наше время решительно не благоприятствует развитию теорий. Народ хитрее стал, как выражаются наши мужики, и ни на какую штуку не ловится. Ум наш требует фактов, доказательств; фраза нас не отуманит, и в самом блестящем и стройном создании фантазии мы подметим слабость основания и произвольность выводов. Фанатическое увлечение идеею и принципом вообще, сколько мне кажется, не в характере русского народа. Здравый смысл и значительная доля юмора и скептицизма составляют, мне кажется, самое заметное свойство чисто русского ума; мы более склоняемся к Гамлету, чем к Дон-Кихоту; нам мало понятны энтузиазм и мистицизм страстного адепта. На этом основании мне кажется, что ни одна философия в мире не привьется к русскому уму так прочно и так легко, как современный, здоровый и свежий материализм. Диалектика, фразерство, споры на словах и из-за слов совершенно чужды этому простому учению. До фраз мы, конечно, большие охотники, но нас в этом случае занимает процесс фразерства, а не сущность той мысли, которая составляет предмет рассуждения или спора. Русские люди способны спорить о какой-нибудь высокой материи битых шесть часов и потом, когда пересохнет горло и охрипнет голос, отнестись к предмету спора с самою добродушною улыбкою, которая покажет ясно, что в сущности горячившемуся господину было очень мало дела до того, о чем он кричал. Эта черта нашего характера привела бы в отчаяние добросовестного немца, а в сущности это пресимпатичная черта»⁹.

«Мы, русские, как-то чересчур уж охотно боимся, и притом боимся всегда с увлечением. Начинаем мы бояться почти с пеленок; сначала боимся родителей, потом — начальства. Иногда даже бога боимся, но редко: больше из учтивости, при собе-

⁶ Добролюбов Н. А. Черты для характеристики русского простонародья. 1860. Собр. соч. в 9 тт. Т. 6. М.; Л., 1963. С. 267, 268.

⁷ Желание понравиться (франц.) — *Red.*

⁸ Герцен А. И. Былое и думы. Гл. VI. Собр. соч. в 30 тт. Т. 8. М., 1956. С. 124.

⁹ Писарев Д. И. Схоластика XIX века. 1861. Собр. соч. в 4 тт. Т. 1. М., 1955. С. 118, 119.

дованиях с лицами духовного ведомства. Я помню, что еще в школе начальство старалось искоренить во мне начальственную боязнь. Чего вы боитесь? — говорило оно мне, — нам не страх ваш нужен, а любовь и доверие. Все равно, как в песне поется: *мне не дорог твой подарок, дорога твоя любовь...* А я и за всем тем продолжал бояться. И нельзя сказать, чтоб я не понимал, что быть откровенным и любящим ребенком выгоднее — его никогда без последнего кушанья не оставляют, — понимал я и это, и многое другое, и все-таки пересилить себя не мог. Идешь и думаешь: а вот сейчас выскочит из-за угла гувернер — и поминай как звали!

Разумеется, я не думаю, чтобы такова была характеристическая черта нашей национальности. Я знаю, что это дурная привычка — и ничего более. Но она до такой степени крепко засела в нас, что победить ее ужасно трудно. Уж сколько столетий русское государство живет славною и вполне самостоятельной жизнью, а мы, граждане этого государства, все еще продолжаем себя вести, как будто над нами тяготеет монгольское иго или австрияк нас в плену держит. Робеем, корчимся, прислушиваемся ко всяким шорохам, смущаемся при выходе ретиранных брошюр, раскаиваемся, клеплем на себя и на других; одним словом, мним себя до такой степени последними из последних, что из всего Державина содержим в памяти только один стих:

А завтра — где ты, человек?

И кого боимся? Того самого начальства, которое еще с школьной скамьи твердит нам: не страх ваш нужен, а доверие и любовь!

Нигде так много не говорят по секрету, как у нас; нигде (даже в самом обыкновенном разговоре) так часто не прорывается фраза: ах, как это вы не боитесь! нигде так скоро не теряют присутствия духа, так легко не отрекаются. Словом сказать, нигде не боятся так натурально, свободно, почти художественно¹⁰.

«Если про русского крестьянина было сказано, что он всего более беден сознанием своей бедности, то про русского обывателя или подданного можно сказать, что он, будучи беден гражданскими правами, особенно беден сознанием своего бесправия. Как мужик привык к своей безысходной нищете, привык жить, не задумываясь над ее причинами и возможностью ее устранения, так русский обыватель вообще привык к всевластию правительства, привык жить, не задумываясь над тем, может ли дальше держаться это всевластие и нет ли рядом с ним таких явлений, которые подтачивают застарелый политический строй»¹¹.

«Наше несчастье — пассивное отношение к жизни, мы любим быть пессимистами и любим хвастаться своим пессимизмом. При этом нами, кажется, не замечено, что европейский пессимизм является результатом чисто физического утомления — устают люди от большой работы, на которую они непрерывно расходуют свои жизненные силы, видят несоответствие результатов труда с запросами духа и — немного нервничают. Но на Западе пессимизм не ослабляет энергии, не может задержать темпа жизни, там он — мирозерцание, не затрудняющее роста культуры, наоборот — он обогащает культуру новыми огнями и цветами гордой человеческой мысли, упорного в своем творчестве духа.

А у нас пессимизм — мироощущение, органический порок, ибо действительность для русского народа не есть плод его познания, результат его деяний, она в его глазах нечто враждебное ему, организующееся в те или иные формы помимо его воли. Я уже не говорю о том, что пессимизм „по-русски“ — в народе выражается в таких формах, каковы самосожжения, „красная смерть“, „Терновка“ и прочие ужасы, в литературе же — он неуклюж, лишен изящества, мысли и красоты и всюду является чем-то „во сто лошадиных сил“.

И вот мне чувствуется, что непосредственно из самой массы русского народа возникает к жизни новый тип человека, это — человек бодрый духом, полный горячей жажды приобщиться культуре, вылечившийся от фатализма и пессимизма, а потому — дееспособный»¹².

«У нас у всех много иронии. Она видна в наших пословицах и песнях и, что всего изумительней, часто там, где видимо страждет душа и не расположена вовсе к весе-

¹⁰ Салтыков-Шедрин М. Е. Круглый год. Первое августа. 1879. Собр. соч. в 20 тт. Т. 13. М., 1936. С. 499, 500.

¹¹ Ленин В. И. Гонители земства и аннибалы либерализма. 1901. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1959. С. 25.

¹² Горький А. М. О писателях-самоучках. 1910. Собр. соч. в 30 тт. Т. 24. М., 1953. С. 127.

лости. Глубина этой самобытной иронии еще пред нами не разоблачилась, потому что, воспитываясь всеми европейскими воспитаньями, мы и тут отделились от родного корня. Наклонность к иронии, однако ж, удержалась, хотя и не в той форме. Трудно найти русского человека, в котором бы не соединялось, вместе с умением пред чем-нибудь истинно возблагодарить, свойство — над чем-нибудь истинно посмеяться»¹³.

«Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; не знаю, достойно порицания или похвалы это свойство ума, только оно доказывает неимоверную его гибкость и присутствие этого ясного здравого смысла, который прощает зло везде, где видит его необходимость или невозможность его уничтожения»¹⁴.

В течение долгого времени я рассматривал свое собирательство как занятие, имеющее сугубо личное значение. Но в какой-то момент, просматривая вновь и вновь собранные материалы, группируя их по различным признакам, я увидел, что разрозненные, казалось бы, суждения отдельных авторов, споривших или соглашавшихся с кем-то, перестают быть случайным нагромождением фактов, а все более и более приобретают черты законченности, становятся совокупностью связанных между собою суждений, совокупностью, обладающей в силу этого определенной целостностью и единством. Единство этой совокупности не механическое, а диалектическое, единство противоположностей, дополняющих и отрицающих друг друга, что позволяет видеть в собранной информации о русском национальном характере больше, чем простую арифметическую сумму входящих в нее суждений. Можно сказать, что, собрав воедино распыленные ранее по бесчисленным источникам суждения, мы как бы делаем первый шаг в подведении итога многовекового, иногда стихийного, но чаще целенаправленного изучения конкретных черт и свойств русского национального характера и получаем не сырой материал первичных социологических наблюдений, а обобщенные выводы, принадлежащие деятелям прошлого, обладавшим большим жизненным опытом и знаниями, наделенным интуицией.

Все изложенное выше позволяет мне высказать предположение, что комплексное исследование суждений отечественных и иностранных деятелей о чертах и свойствах русского национального характера более чем за тысячелетний период развития Руси, проведенное с обязательным учетом современных достижений истории, этнографии, экономики, социологии и других наук, могло бы стать одним из подходов к изучению русского национального характера.

Не исключено, что предлагаемый подход окажется пригодным и для изучения национального характера других народов мира.

Введение собранных материалов в научный оборот сделало бы их доступными для заинтересованных научных и практических работников.

¹³ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. Гл. XXXI. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность// Полн. собр. соч. в 14 тт. Т. 8. М., 1952. С. 395.

¹⁴ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. Бэла. Собр. соч. в 6 тт. Т. 6. М.; Л., 1957. С. 223.

А. А. Лебедева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИКОРАСТУЩИХ РАСТЕНИЙ И МИНЕРАЛОВ РУССКИМИ СИБИРИ В XVIII — НАЧАЛЕ XX В.

Человек и человеческое общество — органическая часть природы, закономерный результат и высшая ступень ее эволюции... Человек преобразует природное вещество в продукты в соответствии со своими потребностями¹.

¹ Ким М. П., Данилова Л. В. Природное и социальное в историческом процессе// Общество и природа. М.: Наука, 1981. С. 6.